

КАФЕДРА

НГ Ex Libris (прил. к Независимой). - 2003 - 13 февр. - с. 3

Поэтика и смысл

Роман Чингиза Айтматова «Плаха»

Альберт Ковач

Альберт Ковач широко известен в европейских литературных кругах как крупный румынский литературовед, ведущий ученый-славист и литературный критик. О диапазоне аналитических исследований А.Ковача, охватывающих историю и современные процессы мировой литературы, можно судить, в частности, по его популярной работе «От Адама и Евы до Фауста и Ивана Карамазова». Альберт Ковач занимается также активной общественной деятельностью, возглавляя в Румынии «Фонд культуры Восток-Запад». Эссе о творчестве Чингиза Айтматова было опубликовано в румынско-русском еженедельнике «Китеж Град». Kitej-Grad. Новая серия № 8-9 (август-сентябрь 2002 г.)

Искусство возлюбило случай, а случай – искусство. Азабон

Начиная с Сервантеса и до наших дней – то есть в новое время – все крупные романы ставят перед собой вечные вопросы бытия, судьбу индивида освещают в контексте судьбы общества, народа, а то и всего человечества. Частное явление – «случай» – поднимается на высочайшую степень обобщения благодаря силе искусства, нередко использующего как инструмент и источник вдохновения не только повседневное, но и крайний случай, исключительное, миф.

Со временем в свободном эпическом построении содержание романа начинает выступать все более и более скрытым, и все чаще при появлении нового произведения у нас возникает недоуменный вопрос: почему мы считаем его романом, когда оно, кажется, попирает все правила, отрицает все определения? Может быть, следует говорить уже не о романе, а о некоем литературном сверхжанре, о пространном тексте, о выдуманных (или достоверных) документах, о фантазиях в прозе, о современных мифах? В теории, конечно, все возможно; но на практике, однако, принятый литературный термин возвращается все более упорно, и великие произведения нашей эпохи оказываются все снова и снова – романами.

О прозаике Чингизе Айтматове можно сказать (используя простейшее сравнение), что он вошел над небосклоном литературы неожиданно, как новая звезда: его рассказ «Джамгиля» (1958) был назван Луи Арагоном самой прекрасной повестью о любви после «Ромео и Джульетты».

Вплоть до книги «И долгие века длился день» (1981) формула айтматовской прозы тяготела к структуре расширенной повести или рассказа, а еще точнее – к жанру микроромана. Некоторые его произведения (например, «Тополек мой в красной косынке» и «Верблюжий глаз») легко, по всем правилам, вписываются в жанровые рамки повести. Другие («Прощай, Гульсары!») приближаются к роману. Наконец, третьи («Первый учитель», «Материнское поле») оказываются уже чем-то вроде настоящих романов /.../.

В случае Айтматова путь от рассказа и повести к роману был предсказуем. Его новеллы содержали отравные точки, вехи, которые неизменно вели в этом направлении. Существенными для его творчества оказались именно специфические закономерности, а не другие элементы стиля его произведений, лежавшие на поверхности. Так, критика нередко относила творчество писателя к жанру лирической прозы. Являясь одной из доминант творчества раннего Айтматова, лирическая проза не оказалась, однако, определяющей для него в дальнейшем. Ибо теплое, светлое звучание, по-

эзия чувства характеризовали в первую очередь не голос повествователя, не авторское Я, а изображаемый мир, и, значит, не имели качеств, признаков лирического рода. Введение строго конфликта переносит

иссякаемым источником фольклора, создавшего эпосею «Манас». Но не обращение к фольклору и не использование его элементов как таковое оказывается определяющим для его искусства, а миф – как ин-

ловека; он на первый взгляд и в самом деле маленький, даже покорный. По сути, Эдыгей принадлежит к типу человека смелого и активного, способного противостоять во имя своего достоинства – и беско-

ные возможности, включает множественность повествовательных перспектив, углов восприятия различных персонажей, среди которых появляются фигуры зооморфные и мифологические, то выступаю-

вы свободы, национального самосознания и собственного достоинства человека.

Мотив памяти раскрывается/реализуется на всех уровнях структуры романа. Его основное измерение – реально-пси-

ловеческой природой, ибо манкурт в состоянии убить собственную мать, забыть имя своего отца.

Гармоничному согласованию трех временных и повествовательных пластов в большей мере способствует тот же мотив памяти, выполняющий на этот раз свою конструктивную роль, что помогает писателю использовать прием монтажа, сопоставляя события, параллельные во времени и пространстве, с помощью композиции, нарушающей принцип хронологической последовательности сегментов и развивающий ход сюжетных линий без традиционно – эпической – каузальной связи.

*** При своем первом появлении роман Айтматова «Плаха» вызвал настоящую бурю – как среди читателей (правда, в своем большинстве принявших роман с восторгом), так и критики. Шок был вызван, думается, не только обращением писателя к еще более важной, острой тематике, но и избранной им художественной формой. Плаха прозвучала как крик, услышанный во всей стране, во всем мире. Белорусский писатель Алесь Адамович отнес этот роман, вместе с «Пожаром» Распутина и «Печальным детективом» Астафьева, к так называемой сверхлитературе, чем лишь усугубил любопытство читателя, не привыкшего к подобного рода определениям. Он же сказал, что роман не вписывается в привычные рамки и поэтому его достоинства часто принимаются за недостатки: пирамида, построенная из циклопических скал, подвергается суеу нашего слабого зрения, и единственный вопрос, который мы способны задать, это: достаточно ли хорошо она отшлифована?

Но основными источниками недоумения оказались в конце концов те мутации, которые произошли в рамках романного языка и особенно их мифологическое, в первую очередь библейское измерение. Сказалась и трудность восприятия отраженного в искусстве исключительного, полярного, парадоксального. Критика – разумеется, ее определенная часть – споткнулась даже на зооморфных персонажах, по сути своей равноправных с персонажами антропоморфными или фантастическими /.../, не была понята совершенно новая функциональность этих персонажей. Комментарии нередко останавливались на уровне идеи, без учета полифонии голосов, множественности повествовательных перспектив /.../.

В плане идейном, так же как и в художественном, «Плаха» наследует роману «И долгие века длился день», однако вносит – в обоих планах – и моменты существенно новые. Суровая тональность повествования о трагических событиях ощущается уже с первых фраз романа. Читателю может не понравиться тот факт, что природа, с которой поминутно соприкасается человек, сочувственно представлена семейством волков; однако предложенный угол зрения столь убедителен, что он не может оторваться от текста. Внимание писателя сосредоточено, по сути, на явлении исключительного: бессмысленном истреблении живых существ, нарушающем равновесие в природе.

История семейства волков составляет единую эпическую линию, проходящую через все произведение, и играет герменевтическую роль, вскрывая непреложные законы природы, законы, нарушение которых ставит под удар само существование человека. В духе поляризации смыслов и парадокса действие волков наделяется сарматской памятью и становится носителем этических ценностей, подчеркивая тем самым отсутствие таковых у людей – у некоторых людей. Эта линия, идущая параллельно и лишь изредка пересекающаяся в первых частях с другими сюжетными линиями – история семейства волков и соответствующий стих из «Манаса» воображение Айтматова создает историческую легенду о манкуртах – пленниках, превращенных завоевателями в покорных рабов. Обеспечивающее полную потерю памяти наложение жестокого пресса, сжимающего, уродующего мозг, – это величайший грех перед че-

ющее место действия, – образует три микроромана.

В центре первых двух находится новый герой, единственный в своем роде как для творчества писателя, так и для литературы советского пространства вообще: Авдий (архангелская, с библейским оттенком, форма имени Авдей) Калистратов, бывший студент, исключенный с теологического факультета за пропаганду своих неканонических идей, сотрудник молодежного журнала. Это современный Дон Кихот и Христос (последнее сравнение широко развернуто в романе). Наивный и щедрый, он берет на себя ответственность за судьбу людей, за жизнь; несет в себе что-то от князя Мышкина и продолжает путь Алеши Карамазова. Ужаснувшись тем размерам, которые приобретает распространение наркотиков, он хочет мобилизовать на борьбу против него общественное мнение. Для сбора данных Авдий примывает к банде продавцов анаши и пытается убедить ее членов не распространять этот страшный порок. Но его изолируют.

Авдий ведет себя как странный человек из Галилеи, который, по словам айтматовского Понтия Пилата, не догадался ради своего спасения сказать в свою пользу двух слов... В романе воспроизводятся сцены, предшествовавшие распятию Христа, его диалог с Понтием Пилатом – предприятие рискованное, тем более что тот же диалог уже воспроизвел Булгаков в романе «Мастер и Маргарита». Но автор закономерно соотносит весь эпизод с Библией и предоставляет слово персонажам, созданным и здесь на мифологическом материале. Ведомый любовью к женщине, во втором микроромане Авдий возвращается в Казахстан, ради распятия на веревках, на ветвях خشک شده дерева. Не вынес мучений, Авдий умирает.

Последняя часть романа естественным образом соотносится с предыдущими, диспут об экзистенциальных и моральных проблемах поднимается на новый художественный уровень. Волки становятся полноправными персонажами, а новый протагонист, Бостон (Сергий Кожух), выступает носителем все того же мотива ответственности человека за свою судьбу и судьбы мира. Это яркий, современный тип, действующий в традиционной, даже архаической бытовой среде и противостоящий ей, как и Авдий, хотя его трагическая вина заключается в другом.

*** В отличие от Булгакова или, скажем, Гарсиа Маркеса, у которых мифологический элемент свободно вписывается в современность, смешивается с повседневностью, у Айтматова мифический пласт сохраняет свою самостоятельность, а пласты реально-психологический и современный приобретают, благодаря параллелям-сопоставлениям с пластом мифологическим, новые измерения.

Стойкая эпическая конструкция, «Плаха» выдерживает экзамен и благодаря введению элементов мифического, исключительного, случайного в их крайней форме – в виде несчастного случая. Структура романа опирается на самые различные – разнообразные – линии. Принцип монтажа распространяется и на большие сегменты, даже на целые части произведения (как у Тарковского), например, в «Андре Рублеве»). Трекчастное построение романа определяется не только развертыванием эпического действия, указанными вехами романов, но и другими критериями. ■ (Окончание в следующем номере «Ex Libris НГ»)

Семейство волков у Айтматова становится носителем этических ценностей.

«Борьба медведей и волков». Ганс Грундиг. 1938 г.

поэтическую струю в сферу эпики.

Уже в «Белом пароходе» кристально чистая поэтическая структура, музыкальность и высокая гармоничность стиля служат раскрытию трагической судьбы – объективированной, отстраненной от повествования. В дальнейшем но-

струмент и средство выражений собственного миропонимания.

Миф, включающий в себя случай, событийность и подражательный богатую игру воображения, потенцирует интуитивное познание, позволяет творцу проникнуть в еще не познанные сферы действитель-

нечному равнодушию степи, и бюрократическим устремлениям власти, пытающейся захватить под космодром территорию, издревле принадлежащую казахам и хранящую память их предков.

Действие романа, построенного как современное эпическое полотно, развивается в нескольких планах. Память, рассказы и признания персонажей раскрывают перед нами страницы их протоистории (благодаря эпическому событию перенесенные в настоящее), позволяя писателю охватить судьбы индивидуальные, национальные, общечеловеческие.

Время романа расщепляется на три основных пласта: настоящее, прошедшее и будущее. Как в «Улиссе» Джойса, действие романа сводится к описанию событий одного единственного дня, на протяжении которого Эдыгей хоронит своего друга, предварительно добившись отмены запрета на использование кладбища предков, наложенного под предлогом обеспечения безопасности космодрома. Медленный ритм событий,

щие на первый взгляд, то уходящие в тень.

Исключительно многомерный, роман «И долгие века длился день» с первых страниц строится на скрещении временных и пространственных перспектив. План будущего включается в настоящее, и тем самым линия научной фантастики – описание разгрома отдаленной планеты Лесная Грудь (символ золотого века человечества) в результате безрассудного столкновения американцев с русскими в ходе выполнения общей программы на космической станции («Паритет» – превращается из предсказания в предупреждение. Степь – место действия и в то же время персонаж романа – увидена сначала голодной лисой, в отчаянии раздиравшей пищу возле железной дороги, и лишь потом – человеком, заброшенным в этот отдаленный край.

Автор восстанавливает картину этого пространства с помощью тончайших деталей, и самое сравнение железной дороги с Гринвичским меридианом открывает в эпической

хологический уровень повествования в плане настоящего – складывается путем сосредоточения действия вокруг ритуала похорон – события, в котором Эдыгей раскрывается как человек с глубокой памятью, противостоящий отчужденному герою современности. На первый взгляд наделенный всего лишь здравым смыслом, этот человек оказывается способным к большим страстям: он пылает чувством справедливости, вера, что в конце концов правда восторжествует, охвачен жаждой познания мира. Об этом свидетельствуют его воспоминания о друге – хранителе памяти в плане прошедшего, – который во время Второй мировой войны оказался в Югославии. А во время тяжких испытаний 50-х годов – эпохи конфликта Сталина с Тито – пал жертвой репрессий только потому, что писал воспоминания, озаглавленные «Тетрадь партизана».

Мотив памяти, чувства человеческого достоинства и свободы мощно потенцируются мифологическим измерением романа. С помощью единст-

Айтматов был вынужден бороться против нормативных эстетических концептов, исключавших из литературы трагическое

вая, не ограниченная догматическими запретами и узким социологизмом постановка коренных вопросов бытия, проблема реального существования человека открывает киргизскому писателю путь для новых художественных свершений. Достаточно напомнить о том, что в период дебюта, да и позднее, Айтматов был вынужден бороться против нормативных эстетических концептов, исключавших из литературы трагическое (кроме некоторых его форм).

Двигаясь параллельно Шукшину и Распутину, Астафьеву и Трифонову, Айтматов то пересекается с ними, то отходит в сторону. Отличительными чертами его художественного мира является изображение своеобразного этнокультурного пространства – сферы бытования киргизской и казахской национальностей – и, несомненно, интенсивное его использование. Творчество Айтматова уходит своими корнями в глубь многотысячелетней народной культуры, питается не-

ности. Древнейшие формы герменевтики, мифы, ставя человека лицом к лицу с природой, с тайнами жизни, но дают и своеобразный ответ на вопрос о смысле человеческого существования. Значит, все вновь и вновь ставя проклятые вопросы бытия, современный писатель опирается на миф как в плане идей, так и в сфере поэтики, чистой художественности.

*** «И долгие века длился день» – яркое произведение, характерное для киргизского писателя и все же – отличающееся от его предыдущих опусов. Лирические ноты здесь глубоко скрытаны, на первый план выступают проза жизни, повседневность, условия, враждебные самому существованию человека, но мужественно преодолеваемые людьми, все жизненное поведение которых отмечено высоким чувством человеческого достоинства. Главного героя, железнодорожника Эдыгея Буранного, можно было бы определить как маленького че-

описание то художественно ярких, то прозаических деталей потенцируется, на уровне глубинных структур, включение экзистенциальных параметров бытия. Внешнее объективное классическое повествование обнаруживает благодаря использованию несобственно прямой речи свои современ-

структуре горизонты космического пространства, словно предвывая тем самым задуманное космонавтами мероприятие «Обруч». Это название, всплывающее из глубин фантастического, ориентирует читателя на центральный литературный мотив книги – мотив памяти как источника и осно-

венного стиха из «Манаса» воображение Айтматова создает историческую легенду о манкуртах – пленниках, превращенных завоевателями в покорных рабов. Обеспечивающее полную потерю памяти наложение жестокого пресса, сжимающего, уродующего мозг, – это величайший грех перед че-

Вновь и вновь ставя проклятые вопросы бытия, писатель опирается на миф как в плане идей, так и в сфере поэтики, художественности